

Весь вечер Юань Цзинкунь не притрагивался к еде. Гэн Синю и самому было лень возиться у плиты, так что он просто разогрел остатки обеденной каши — на том и порешили.

За весь день Цзинкунь обронил лишь одну фразу:

— Ужинать не буду.

Гэн Синь мысленно сосчитал: всего шесть слов. Он сочувственно вздохнул, понимая состояние своего подопечного. Любому мужчине было бы невыносимо принять подобное: в силу обстоятельств оказаться в роли того, кому суждено вынашивать чужое дитя. К тому же Цзинкунь даже не знал, чей это плод и откуда он взялся — в такой ситуации волей-неволей почувствуешь себя брошенным и несчастным.

На следующий день после операции Гуна Сино спешно вызвали в американскую штаб-квартиру. В его регионе намечались тендеры по двум крупнейшим проектам, и успех в них обещал стать настоящим прорывом, вехой в его карьере.

Несмотря на дела в Штатах, мысли Гуна постоянно возвращались в Китай. Его не покидало странное, смутное беспокойство. Едва приземлившись в аэропорту среди ночи, он отпустил водителя Ни Пэна, сам сел за руль и помчался к квартире Цзинкуня.

Дороги были пусты, и Сино гнал на полной скорости, желая оказаться на месте как можно скорее. Открыв дверь своим ключом, он вошел в кромешную тьму. Подсвечивая дорогу зажигалкой, он поднялся по ступеням и приоткрыл дверь в спальню. В щель было видно, что Цзинкунь крепко спит. Боясь разбудить его, Гун погасил огонек и опустился на диван. Усталость после перелета мгновенно навалилась, и, едва коснувшись мягкой спинки, он провалился в тяжелый сон.

Летние рассветы наступают рано. Едва небо начало сереть, первые лучи робко прокрались сквозь панорамные окна гостиной. Гун Сино спал чутко; открыв глаза, он обнаружил, что солнце уже позолотило горизонт. Он размял затекшую шею и плечи, собираясь встать, как вдруг дверь спальни отворилась.

Юань Цзинкунь в светло-серой пижаме вышел в коридор со стаканом в руке. Увидев Сино, он замер. Гун тоже оторопел — он не ожидал, что тот проснется в такую рань. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Первым опомнился Цзинкунь. Он поспешно скрылся в комнате и быстро переоделся в рубашку и брюки. Гун Сино тем временем бросился в ванную: наскоро пригладил волосы, поправил смятую рубашку и протер очки. Когда он вернулся в гостиную, Юань уже ждал его у журнального столика.

— Почему ты вернулся?

— Почему ты так рано встал?

Они заговорили одновременно, и в комнате повисла неловкая тишина.

— Я прилетел ночью, — первым нарушил молчание Сино. — Не хотел тебя беспокоить.

— Вышел воды попить, — коротко бросил Цзинкунь, отворачиваясь.

Снова пауза. Тишина затягивалась, становясь почти осязаемой.

— Ты ведь хотел пить? — наконец проговорил Гун. — Иди, налей.

Цзинкунь прошел на кухню, Сино последовал за ним. Юань наполнил стакан чистой водой и, поколебавшись, поставил второй перед гостем. Гун благодарно кивнул и сделал глоток — прохладная вода мгновенно смягчила пересохшее горло.

— Мне пришлось улететь в штаб-квартиру на совещание... — начал Сино, словно оправдываясь за свое отсутствие при выписке.

Цзинкунь молчал. Он сел напротив, не глядя на собеседника, и задумчиво покачивал стакан. Прозрачная вода плескалась о стенки — точно так же, как тревога в его душе.

— Ты... не хочешь узнать, откуда взялся этот ребенок? — Сино наконец перешел к главному. До этого — ни во время их первых встреч, ни перед операцией — у них не было возможности обсудить это спокойно.

Цзинкунь чуть пригубил воду и медленно поставил стакан на стол.

— А ты хочешь мне рассказать?

— Разумеется. Ты имеешь полное право знать, чью жизнь носишь в себе, — серьезно ответил Гун.

Он поправил очки, сцепил пальцы в замок и, потирая серебряное кольцо на правой руке, начал негромкий рассказ:

— Этот ребенок... Он принадлежит человеку, который занимает всё мое сердце. Это дитя его и его жены. Полмесяца назад они вместе с двенадцатилетним сыном попали в авткатастрофу. Никто не выжил. Единственное, что осталось от них в этом мире — эмбрион, о существовании которого они, вероятно, и сами не подозревали. Доктор Ся, который оперировал тебя, нашел способ сохранить жизнь плоду, но требовалось лоно, способное его выносить. Поэтому...

— Поэтому ты сделал всё, чтобы найти того, кто станет живым инкубатором для продолжения его рода, — закончил за него Цзинкунь. Его голос дрогнул, а он сжал кулаки.

— Да, — Гун Сино посмотрел на него. В его темных глазах плескалась безысходность и печаль.

— Почему не женщина? — почти выкрикнул Юань.

— Я... не хотел, — Сино и сам не до конца понимал причины своего решения, но мысль о женщине-носителе казалась ему неприемлемой.

Цзинкунь разжал кулаки. Глядя на растерянного, подавленного мужчину перед собой, он не нашел в себе сил злиться дальше.

— Он... хотя бы любил тебя?

Этот вопрос ударил по самому больному. В душе Гуна была рана, которая начинала кровоточить от малейшего прикосновения. Цзинкунь всё понял без слов: это была история безответной любви.

Их уединение прервал Гэн Синь. В безразмерной пижаме, со всклокоченными волосами, он замер в дверях. Увидев Сино, он мгновенно проснулся, поперхнулся и, прижав ладонь к груди, громко икнул.

— Гун... Гендиректор Гун... Вы...

Гун Сино встал, залпом допил воду и направился к выходу.

— Я ухожу. Отдыхай, — бросил он Цзинкуню.

Юань даже не шелохнулся, не собираясь провожать его. Гэн Синь довел гостя до дверей, где Сино строго наказал:

— Присматривай за ним как следует. Понял?

— Понял, — кивнул Гэн Синь, прекрасно осознавая подтекст: «ни на шаг не отходи от него».

Ожидая лифта, Гун Сино смотрел на свое отражение в начищенных до блеска дверях. Почему он рассказал правду? Ведь планировал держать дистанцию и ничего не объяснять «носителю». Почему рядом с этим человеком он теряет над собой контроль?

Почему?

<http://bllate.org/book/17488/1692835>